

Тот, кого он любил всей душой, так и не полюбил его в ответ. А ведь всё, о чём он мечтал, — получить хотя бы крупицу взаимности. Хотя бы на миг.

Однажды Чжао Тяньи притащил Сюй Нуо в храм Линъюнь, чтобы узнать судьбу. Монах-предсказатель, бросив на юношу долгий взгляд, лишь покачал головой:

— Тебе суждено вечно томиться в любовных путах. Истинного счастья ты не познаешь, ибо вся твоя жизнь обратится в бесконечные поиски.

Старый настоятель, чей разум, вопреки обету, всё ещё цеплялся за мирское, явно разглядел в Сюй Нуо благодатную почву для духовного пути. Он посмотрел на него с глубоким состраданием и кротостью:

— Сын мой, море страданий безбрежно. Окунись в веру, и ты обретёшь спасительный берег.

Пятнадцатилетний Сюй Нуо лишь едва заметно усмехнулся:

— Если не знаешь, где этот берег, то его для тебя попросту нет.

Эти слова заставили монаха оцепенеть. Когда старик опомнился, хрупкий силуэт юноши уже растаял вдали. Настоятелю оставалось лишь благоговейно вздохнуть:

— Амитабха...

В те годы Сюй Нуо был глуп и наивен. Он свято верил, что Чжао Тяньи и есть его единственный причал, а счастье — вот оно, протяни руку и коснись. Разве можно сдаваться? Он и представить не мог, что дерево его любви никогда не зацветёт и не принесёт плодов. Но даже зная это, он всё равно пошёл бы до конца, готовый умереть, но не отпустить.

Несколько листков тонкой бумаги вынесли Сюй Нуо смертный приговор. Собрав остатки воли, он заставил себя не смотреть в сочувствующие глаза врача. В голове набатом билась лишь одна мысль:

«Если меня не станет, как он будет без меня?»

Все свои лучшие годы Сюй Нуо провел в погоне за этим человеком. Он отказался от безбедной, сытой жизни только ради того, чтобы поступить в тот же университет, устроиться в ту же фирму, выбить перевод в тот же отдел. В студенческие годы он стирал за него вещи, дома — тянул весь быт, а на работе молча уступал ему любые возможности для повышения.

Десять лет. Неужели этот мужчина действительно ничего не замечал? Если так, то Сюй Нуо заслужил всё это — заслужил потерять себя, растоптать собственное достоинство. За

тринадцать лет бок о бок он так и не набрался смелости признаться и даже боялся подолгу смотреть Чжао Тяньи в глаза.

Окружающие считали Сюй Нуо высокомерным, холодным и бесчувственным гордецом. И только сам он знал правду: с десяти лет каждый уголок его израненной души занимал единственный человек. Места для других там просто не оставалось.

«Какой же я дурак... Любить так тяжело. Зачем я сам загнал себя в этот угол, лишил последнего пути к отступлению? Совсем рассудок потерял от болезни...»

В разгар пышного торжества, посреди сотен нарядных гостей, он вдруг сорвался. Глядя на безупречно одетого жениха, Сюй Нуо во весь голос крикнул:

— Я люблю тебя!

В ответ — гробовая тишина, волна брезгливых, недоуменных взглядов и хлёсткий, оглушительный удар по лицу. Чжао Тяньи помрачнел от ярости и отвращения. Но он не был удивлён. Он всё знал. Знал уже очень давно.

«Глупец. Разве может человек десять лет тенью ходить за кем-то, отдавая всего себя без остатка и не требуя ничего взамен, чтобы это осталось незамеченным? Чжао Тяньи был слишком умён и расчётлив, чтобы не понимать очевидного. Да и я сам... кого я пытался обмануть? Прятал голову в панцирь, как трусливая черепаха. Делал вид, что проблемы нет, пока закрыты глаза. Что ж, теперь всё кончено. Маска сорвана, и мечтать больше не о чем».

Сюй Нуо горько, едва заметно улыбнулся.

Если бы Чжао Тяньи хотя бы попытался солгать — мягко, неумело, или перевёл всё в пьяную шутку... Сюй Нуо зацепился бы за эту ложь. Он затих бы, притворился, что ничего не произошло, и они продолжили бы жить как прежде. Он бы так же тайно любовался им каждый день, мечтал коснуться его руки, щеки... так бы они и состарились рядом.

Но Чжао Тяньи не знал, что на эти три коротких слова Сюй Нуо растратил всё мужество, накопленное за жизнь.

Такого порыва больше не случится. Никогда. А Чжао Тяньи, до смерти напуганный возможностью потерять благосклонность влиятельного тестя и уважение гостей, поспешил отречься от него. Один жестокий удар, одно выплюнутое сквозь зубы слово «извращенец» — и всё было кончено. Все надежды Сюй Нуо рассыпались прахом.

Чжао Тяньи. Имя, которое он десять лет выжигал в своём сердце. Человек, которого он любил больше жизни, на поверку оказался эгоистом до мозга костей. Существом, способным думать лишь о собственной выгоде. И всё же Сюй Нуо любил его. Глупо искать причины — разве для

любви нужны оправдания?

Сюй Нуо знал, что виноват сам. Виноват в том, что влюбился в гетеросексуала. Виноват в том, что не смог спокойно смотреть, как тот, окружённый роскошью и поздравлениями, ведёт к алтарю чужую женщину.

Виноват в том, что когда-то сам уступил ему эту девушку — дочь председателя правления, бывшую свою невесту.

Виноват в том, что притащился сюда, лишившись всякой пользы в его глазах, и разрушил чужой триумф.

— Сяоя, я люблю тебя... — выдавил Сюй Нуо, заставив себя повернуться к невесте, которая когда-то была безумно влюблена в него самого. Он опустил взгляд, скрывая отчаяние.

«Прости меня, — беззвучно плакало его сердце. — На самом деле ты лучшая девушка на свете».

«Тяньи, я исправил свою оплошность. Пусть твоя мечта сбудется. Это последнее, что я могу для тебя сделать».

Деньги, статус, блестящая карьера...

Теперь никто не встанет у тебя на пути.

Сюй Нуо ехал сквозь ночную темноту. Сердце в груди колотилось как безумное, пальцы, сжимавшие руль, мелко дрожали. Он понимал, что выглядит сейчас ужасно — швейцар на выходе посмотрел на него со смесью ужаса и жалости.

Ему хотелось рассмеяться, но горло сдавило спазмом. Тело разрывала адская боль, каждая клетка кричала о скорой гибели. Это был предел.

Рука потянулась к карману с таблетками, но замерла. Зачем? Бессмысленно. Никакие лекарства и светила медицины не спасут его теперь. Чжао Тяньи больше никогда не обнимет его, не спросит, как дела. Отныне они — две параллельные прямые, которым не суждено пересечься.

Автомобиль миновал шумные центральные кварталы и выкатился на окраину. Время перевалило за полночь. Машины исчезли. Лишь редкие дорожные фонари, похожие на сонные глаза, тускло освещали пустынное шоссе, выхватывая из темноты силуэты придорожных деревьев.

Сюй Нуо невидящим взором смотрел на убегающую вдаль дорогу. Пятнистая от теней лента асфальта извивалась и тянулась без конца.

Слабеющее зрение не позволяло разглядеть, где она кончается. Точно так же его угасающая жизнь не оставляла шансов дождаться того дня, когда они с Тяньи снова будут вместе.

В памяти вспыхнули картины далёкого детства: звонкий смех, глупые шутки, первые обиды и долгие минуты молчания. Была ли между ними любовь? Пожалуй, нет. Лишь глупая, слепая преданность одного человека.

Где-то вдалеке распустился бутон праздничного салюта. Яркие, мимолётные искры брызнули в чёрное небо и тут же растаяли. Сюй Нуо дрожащим пальцем нажал кнопку проигрывателя. Из динамиков поплыл тихий, хриловатый голос Пак Шу:

«Я — лишь яркое мгновение,

Лишь искра, прорезавшая небесную высь.

Я хочу, чтобы ты любил меня без оглядки,

Ибо скоро я угасну и никогда не вернусь...

Путь наш полон весеннего солнца и острых шипов.

Жизнь коротка, как полёт метеора, и прекрасна, как летний цветок.

Этот мир не создан для того, чтобы оставаться в нём долго...»

«Мир, в котором нельзя оставаться долго...» — перед глазами Сюй Нуо всё окончательно поплыло, в ушах зашумело.

— Эй, Сюй Нуо, наконец-то ты вернулся! Ты представить не можешь, как я соскучился за эти каникулы! Давай, постирай сначала мои шмотки, а?

— Ого, Сюй Нуо, смотри, та девчонка глаз с тебя не сводит! Кажется, ты ей приглянулся.

— Ладно, я знаю, что чертовски хорош собой, но прекрати так пялиться, мне даже неловко.

— Сюй Нуо, мне нравится Чжу Сяоя.

— Слушай, не смотри на меня так. Расчувствовался тут как баба. Ты что, из этих... из геев?

— Нет, я не...

«Нет, я... да, я гей. Я люблю одного придурка по имени Чжао Тяньи. Десять лет подряд...»

Сюй Нуо почувствовал, как из ушей течёт что-то тёплое. Он онемел, дышать становилось всё труднее.

За лобовым стеклом сгустилась непроглядная мгла. С трудом преодолевая слабость, он попытался опустить стекло, но сил хватило лишь на то, чтобы бессильно откинуться на спинку сиденья.

«Это всё?.. Я умираю?»

Сознание ускользало, рассыпаясь на куски.

«Нет, пожалуйста...»

«Тяньи, я так и не услышал, что ты любишь меня...»

«Чжу Сяоя любит меня, а не тебя...»

«Она ведь совсем тебе не подходит...»

«У тебя такая милая улыбка, когда ты замышляешь пакость...»

«Давай стащим печенье у жены профессора...»

Тонкие, бледные пальцы судорожно заскользили по запотевшему стеклу, выводя неровные линии. Последний иероглиф дался с невероятным трудом, но закончить его юноша так и не успел.

Рука бессильно упала на колени и больше не поднялась.

На матовом стекле остались кривые, дрожащие штрихи: «Чжао Тяньи, я лю...» Самое главное слово так и осталось недописанным.

А из динамиков всё лился и лился хриплый голос певца:

«Какой прекрасный и какой печальный мир...»

На следующий день все местные газеты и интернет-порталы запестрели скандальными заголовками. Журналисты смаковали историю мелкого клерка, который покончил с собой сразу после свадьбы дочери председателя правления корпорации «Синьей». Репортёры наперебой обсуждали трагедию очередного «феникса», так и не сумевшего превратиться из лягушки в принца. Позже поползли грязные слухи о тайной связи между новоиспечённым зятем миллиардера Чжао Тяньи и покойным, однако светское общество быстро подняло эти сплетни на смех.

Все причастные к этой истории предпочли сохранить гробовое молчание.

<http://bllate.org/book/20483/2112976>